

---

---

# ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

---

---

О. В. Рябов

## «РОДИНА-МАТЬ»: ИСТОРИЯ ОБРАЗА

«Россия-Матушка» — это узнаваемый символ русскости и в нашей стране, и на Западе. Будучи встроенной в сложную систему идей и концепций (русский мессианизм, Россия как «радикально Иное» Запада, женственность русской души, миф о русской женщине и др.), «Россия-Матушка», «Родина-Мать» получила воплощение в философских, исторических и художественных текстах. Вместе с тем хорошо известен и визуальный образ, который представляет интерес как один из наиболее очевидных примеров использования гендерного дискурса в политиках коллективной идентичности.

Как заметил Д. Армстронг, символы в национальных сообществах действуют как пограничники, отделяющие Своих от Чужих<sup>1</sup>. Именно таким «символическим пограничником» и является «Родина-Мать». Подобно другим национальным символам, этот символ принимает активное участие в идентификационных процессах. Во-первых, он участвует в конструировании Другого в дискурсе международных отношений. Во-вторых, он маркирует Своих и Чужих в условиях военной мобилизации. В-третьих, символ используется в дискурсивных практиках легитимации/делегитимации политической системы в России. В-четвертых, он оказывает влияние на определение иерархии регионов, этнических и конфессиональных групп внутри России, то есть в имперском дискурсе. В-пятых, он включается в определение нормы и девиации в гендерном порядке российского общества, воздействуя на демографический дискурс.

Термин многозначен — некрасовские антиномии «убогая/обильная», «забитая/всесильная» лишь в незначительной степени передают многообразие значений, которое в нем заложено. Одним из факторов этого многообразия служит то обстоятельство, что история этого символа сопровождается, с одной стороны, попытками различных дискурсов утвердить собственную, удобную для себя интерпретацию «России-Матушки», с другой — девальвировать этот символ или заменить его другим.

Исследование ставит целью выявить основные этапы истории визуализации «Родины-Матери» и отметить способы включения данного образа в политики идентичности. Но вначале поясним свою позицию по принципиальным для исследования методологическим вопросам. Прежде всего, в океане совре-

---

© Рябов О. В., 2006

<sup>1</sup> *Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982. P. 6.

менных воззрений на природу нации наиболее убедительной нам представляется точка зрения Э. Смита. С одной стороны, британский исследователь соглашается с тем, что каждое новое поколение дает новые формулировки национальной идентичности<sup>2</sup>; «нельзя сказать, что у каждого сообщества есть только одно “этническое прошлое” или что представления последующих поколений этого сообщества остаются неизменными»<sup>3</sup>. С другой стороны, он подчеркивает, что отбор и переработка традиций происходят в строгих рамках, определяемых культурой — или культурами — данного народа: его языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями и т. д. Существующая преемственность и предыдущие интерпретации ограничивают возможности коренного изменения<sup>4</sup>. По выражению Э. Смита, этническая символическая коммуникация — это коммуникация между мертвыми и живыми<sup>5</sup>.

Кроме того, мы придерживаемся мнения, что гендерный и национальный дискурсы не существуют отдельно; они формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Напомним, что сама идея национального сообщества выражает отношения родства. Аналогия с семьей — это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Значимость идеи родства и семейной метафоры для национализма получила широкое освещение в академической литературе<sup>6</sup>. В рамках же гендерных исследований было акцентировано внимание на том, что тем самым нация представлена в качестве некоей формы взаимодействия мужского и женского начал<sup>7</sup> (потому в репрезентации нации фигурируют такие атрибуты мифологии семьи, как совместное ведение хозяйства, обеспечение защиты и питания, рождение и воспитание потомства). Идеи территории, национального сообщества, государства, подданных облачаются в образы «матери», «сыновей», «братьев» и т. д. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании «натуральности», природности национального сообщества<sup>8</sup>. Эссенциализация, которая имплицитно содержится в картине отношений между полами, переносится и на отношение к национальному сообществу: обращение к гендерным метафорам как бы снимает все

---

<sup>2</sup> *Smith A. D.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge; Malden, 2001. P. 128.

<sup>3</sup> *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 90.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 331—332.

<sup>6</sup> См., напр.: «С трудом верится, что большая часть народа с готовностью отдала бы свои жизни за артефакт или долгое время вводилась в заблуждение пропагандой и ритуалами, если эти ритуалы и пропаганда не выражали и не развивали существовавшие прежде народные чувства, воспринимавшие этническую нацию преимущественно как семью и местность» (Там же. С. 243).

<sup>7</sup> *Blom I.* Gender and Nation in International Comparison // Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century / I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds). Oxford; New York, 2000. P. 8.

<sup>8</sup> *Tickner J. A.* Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-cold War Era. New York, 2001. P. 54.

вопросы при рефлексии по поводу национального чувства или межнациональных отношений.

Идея Родины-Матери проходит в своем развитии ряд этапов. Начало ее истории следует отнести к образу Матери-сырой земли — русскому варианту Великой Богини-матери. Другая стадия развития представлений о материнской сущности страны — это образ Русской земли, который проходит через всю историю древнерусской литературы. В книжной традиции Русская земля представлена как живое существо; она изображается в женском — чаще всего материнском — облике. В XVI веке она приобретает вид Святорусской матери-земли (Святой Руси) под влиянием работ Максима Грека и Андрея Курбского. В XVIII веке получает распространение концепт Отечества, однако и образ России-Матери остается востребованным, появляясь в текстах В. Тредиаковского и М. Ломоносова, Г. Бужинского и Ф. Прокоповича, в сочинении А. Суворова «Наука побеждать» и солдатской песне<sup>9</sup>.

История же визуализации России-Матушки, по всей вероятности, берет начало с образа России с горельефа «Заведение флота в России» (И. Терзбенев, 1810), расположенного на аттике нижнего куба башни Адмиралтейства. В центре этого рельефа помещен Петр Первый, которому Нептун вручает трезубец в знак власти над морем. Россия изображена как сидящая справа от императора женщина под лавровым деревом с короной на голове; в правой ее руке палица Геркулеса, символ могущества, в левой — рог изобилия.

В те же годы национального подъема Ф. Толстой создает серию медалей, посвященных событиям только что закончившейся Отечественной войны. Медаль «Народное ополчение» (1816) изображает Россию, вручающую своим сыновьям боевые мечи (Прил., ил. 9)<sup>10</sup>. В этих образах национальная специфика «России-Матушки» практически не выражена: сходство с европейскими аналогами (в первую очередь с Британией) очевидно<sup>11</sup>.

Вместе с тем уже заметны основные функции «России-Матушки» — символизация национального (имперского) единства и мобилизация на борьбу с чужеземной агрессией. Еще одна функция — легитимация власти — связана с идеей иерогамии, священного брака «Царя-Батюшки» и «России-Матушки», Правителя и Страны, которая получает отражение уже в древнерусских текстах и в дальнейшем постоянно присутствует в политической мифологии. Мотив иерогамии заметен и в произведениях М. Микешина — памятнике «Тысячелетие России» (1862) и особенно рисунке «Плачущая Россия» (1894). Рисунок, созданный в память о гибели Александра II, изображает плачущую Россию с мечом и щитом, утирающую слезы, и ангела, который смотрит на нее с укоризной (Прил., ил. 10)<sup>12</sup>. Похожие изображения широко использовались и в период

<sup>9</sup> См. об этом нашу книгу ««Россия-Матушка»: Национализм, гендер, война в России XX века» (готовится к печати).

<sup>10</sup> Толстой Ф. Медальоны в память военных событий 1812, 1813, 1814, 1815 гг. СПб., 1837.

<sup>11</sup> Визуализация «Британии» берет начало еще с изображений на римских монетах (Warner M. Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form. New York, 1985).

<sup>12</sup> Нива. 1896. С. 205. № 9.

царствования Николая II. Так, на обложке номера «Нивы», посвященной коронации последнего императора, помещен рисунок «Россия», где страну символизирует женщина (Прил., ил. 11)<sup>13</sup>.

Последняя четверть XIX века знаменательна для исследуемого вопроса тем обстоятельством, что «Россия-Матушка» становится неким элементом повседневности, появляясь на медалях, календарях, рекламных плакатах, в интерьерах городских усадеб. Один из наиболее характерных примеров визуализации России этого периода — скульптура «Россия», выполненная в технике каслинского литья по модели Н. Лаврецкого для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 году<sup>14</sup>.

Период первой русской революции становится временем визуального оформления идеи России-женщины, страдающей от произвола государства, чиновников и несправедливой власти, — идеи, восходящей к текстам А. Курбского и получившей развитие в народнической идеологии<sup>15</sup>. Мы видим Россию как женщину в национальном костюме, например, на карикатурах из журнала «Нагаечка» (1906)<sup>16</sup>. Заметим, и власть использовала «Россию-Матушку» в качестве символа единства, апеллируя тем самым к мифологии иерогамии. Так, в Высочайшем Манифесте от 6 августа 1905 года объявлялось учреждение Государственной Думы и говорилось: «...избранные доверием всего населения люди <...> окажут <...> полезное и ревностное содействие в трудах Наших на благо общей Нашей Матери, России, и утверждению единства, безопасности и величия Государства и народного порядка и благоденствия. Твердо уповаем, что с помощью Всемогущего Бога и единодушными усилиями всех своих сынов Россия выйдет с торжеством из постигших ее ныне тяжелых испытаний...»<sup>17</sup> Россия-Матушка как символ единения Своих (верноподданных) против Чужих (революционеров) используется на фреске «Святая Русь»: бунтовщики в страхе бегут от молодой женщины с мечом в правой руке<sup>18</sup>.

«Родина-Мать» активно вовлекается в военный дискурс во время русско-турецкой и русско-японской войн. Так, плакат «К войне России с Японией» изображал женщину в длинном платье, в кольчуге и горностаевой мантии, подбитой красным. Она держит в правой руке символизирующую победу пальмовую ветвь; на ее левом плече восседает двуглавый орел как олицетворение самодержавия, а над ее головой парит белый ангел. На заднем плане — шипящее змееподобное чудовище с азиатскими чертами<sup>19</sup>.

---

<sup>13</sup> Там же. С. 507. № 20.

<sup>14</sup> См. также: Прил., ил. 12, 13.

<sup>15</sup> См. нашу статью «Родина и Отечество», готовящуюся к печати в сборнике «Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski» (Лодзь, 2007 г., т. 7).

<sup>16</sup> См., напр., Прил., ил. 1 (Нагаечка. 1906. № 2. С. 12).

<sup>17</sup> Нива. 1905. С. 637. № 32.

<sup>18</sup> Святая Русь // Святая Русь: Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 703.

<sup>19</sup> *Bonnell V. E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* Berkeley, 1997. P. 274—275.

Особенно востребованным исследуемый образ становится в период Первой мировой войны. Рассмотрим различные контексты включения «России-Матушки» в военный дискурс. Во-первых, Россия как женщина призвана убедить в справедливом характере войны с ее стороны и чистоте намерений российского правительства (лубок «Согласие» — Прил., ил. 2)<sup>20</sup>. Репрезентация собственной страны при помощи образов чистых и непорочных женщин — обычный прием военной пропаганды, построенный на представлениях о фемининном как начале чистоты, непорочности, бескорыстия, морального превосходства.

Во-вторых, еще один модус «аутофеминизации» предполагал использование таких смысловых оттенков образа матери, как сила, власть, мудрость. Образ всемогущей и всепобеждающей России-Матушки включался в обоснование идеи неизбежного поражения Германии («Россия за правду», «Россия и ее воин», «Проснувшаяся»)<sup>21</sup>. Наконец, третий модус акцентировал страдания и жертвенность России, ее скорбь по павшим воинам, апеллируя к гендерной идентичности русских мужчин и выступая тем самым в качестве одного из механизмов военной мобилизации<sup>22</sup>.

В период Гражданской войны схожий мотив включается в пропаганду сторонников Белой армии, интерпретировавшую борьбу с большевиками в качестве сражения с врагами Родины, с «инородцами», с «германскими шпионами» и пр. Эти сюжеты активно используются и в сатирической графике. Одна из карикатур, датируемая июлем 1917 года, показывает пытки, которым подвергается Россия (Н. Николаевский. «Почести и услуги, оказанные большевиками матери России» — Прил., ил. 15)<sup>23</sup>. Любопытно, как обыгрывается в антибольшевистском дискурсе идея иерогамии. Карикатура Б. Антоновского «Роман Ленина и России» (Прил., ил. 16), появившаяся в «Новом сатириконе» в те же июльские дни, изображает настойчивые ухаживания В. Ленина за дородной женщиной в русском национальном костюме; ребенок, появившийся на свет в результате этого романа, рождается в кайзеровском шлеме<sup>24</sup>. Характерным примером визуальной пропаганды Белого движения является плакат «В жертву Интернационалу», на котором изображена Россия в образе связанной женщины в кокошнике в окружении группы большевистских лидеров<sup>25</sup>. К идее сыновнего долга перед страдающей Родиной апеллируют и другие известные плакаты Добровольческой армии — «Сын мой! Иди и спасай Родину!» (Прил.,

<sup>20</sup> Российская национальная библиотека.

<sup>21</sup> Россия — за правду (*Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; London, 1995. P. 27*); Россия и ее воин. 1914 (*Bonnell V. E. Op. cit. P. 71*) (Прил., ил. 14); Н. Р. Проснувшаяся (Новый сатирикон. 1915. № 24. С. 1) (Прил., ил. 5).

<sup>22</sup> С. А. Виноградов. Москва русским воинам в плену. 31 окт. — 1 ноября 1915 г. (*Бабурин Н. Русский плакат первой мировой войны. М., 1992. С. 49*); Г. Д. Алексеев. Москва — Румынии (Там же. С. 92).

<sup>23</sup> Бич. 1917. № 26. С. 12.

<sup>24</sup> Новый сатирикон. 1917. № 27.

<sup>25</sup> *Waters E. The Female Forms in Soviet Political Iconography // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. P. 331. Ватик К., Бабурин Н. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М., 2004. С. 158.*

ил. 17), «Ваши родные и близкие стонут под игом большевистских комиссаров, они мрут от насилия и голода, они зовут вас, идите спасать их!»<sup>26</sup>.

А что же другая сторона? Известно несколько случаев периода Гражданской войны, когда большевистская пропаганда использовала женский образ как аллегория нации. Например, как плененная женщина была представлена на одном из плакатов Бессарабия<sup>27</sup>. Особый интерес вызывает плакат В. Дени «Палачи терзают Украину. Смерть палачам!» (1920), на котором «польский пан» и гетман С. Петлюра распинают на кресте молодую женщину, символизирующую Украину (Прил., ил. 3)<sup>28</sup>. Однако изображения России (Российской республики, РСФСР, Советской России) в женском облике в большевистской пропаганде не встречаются.

Можно выделить целый ряд причин этой тенденции. Прежде всего, как было отмечено, образ России-Матушки использовался белогвардейцами и имел прочные ассоциации с идеологией и мифологией царизма. Кроме того, советская идентичность 20-х годов элиминировала этнический компонент, замещая его классовым; нигилистическое отношение к национальному, характерное для части большевиков этого периода, проявилось в преуменьшении значимости «материнского» компонента нации. И наконец, большевистская идеология основывалась на ценностях рационализма, порядка, контроля, которые скорее могут быть охарактеризованы как маскулинные и менее всего ассоциировались с образом России-Матушки. «Толстозадая баба Россия» служила символом того, что предполагалось преодолеть в результате революционных преобразований. В этом плане показательной является карикатура И. Малютина «Молодая и пожилая дамы», напечатанная в журнале «Крокодил» в 1922 году, на которой Европу олицетворяет «пожилая» Марианна, а РСФСР — молодой пролетарий (Прил., ил. 6)<sup>29</sup>. Фигура рабочего, очевидно, и стала тем символом коллективной идентичности, который большевики использовали вместо «Матушки России»<sup>30</sup>.

Материнский образ Родины возвращается в советскую пропаганду только перед Великой Отечественной войной<sup>31</sup>. Заметим, что, помимо изменений в

<sup>26</sup> *Бабурина Н. И.* Россия — XX век = Russia — 20th Century: История страны в плакате. М., 1993. С. 50.

<sup>27</sup> *Bonnell V. E.* Op. cit. P. 275.

<sup>28</sup> *Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1925. С. 608. Ср. с изображениями России периода Первой мировой войны (Прил., ил. 4).

<sup>29</sup> Другие примеры диалога маскулинного РСФСР и фемининного Запада см.: И. Малютин. <Румыния — Р.С.Ф.С.Р.> (Крокодил. 1922. № 14 (26). С. 1); Ник. К. Лига наций зазывает (Бегемот. 1927. № 2. С. 4) (Прил., ил. 18).

<sup>30</sup> В. Боннелл сообщает о рисунке периода первой русской революции (Д. Шатан. «Заклочение союза»), опубликованном в одесском журнале «Свисток», на котором оба этих символа изображены вместе: мускулистый рабочий пожимает руку женщине в красном, предположительно России (*Bonnell V. E.* Op. cit. P. 24).

<sup>31</sup> Точнее, появление идеи Советской Родины относится к весне-лету 1934-го. Так, в июле этого года «Правда» публикует открытое письмо рабочих «Красного путиловца» челюскинцам и героям-летчикам, в котором адресаты называются «достойными детьми нашей любимой родины». «Россия стала матерью для трудящихся всех

геополитической ситуации и необходимости укрепления патриотических чувств в преддверии ожидаемой войны, он был призван обозначить и поворот в демографической политике Советского государства, связанный с пропагандой ценности материнства.

Одним из наиболее известных символов Великой Отечественной стал плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (ил. 21). К такому же чувству долга, к стремлению мужчины защитить честь и жизнь как родной страны, так и дорогих ему женщин зывали другие известные работы советских плакатистов: «Бей крепче, сынок!» И. Серебряного, «Сын мой! Ты видишь долю мою... Громи фашистов в святом бою!» Ф. Антонова, «Боец, Украина ждет тебя!» Н. Жукова и В. Климашина, «За Родину-Мать!» И. Тоидзе, «Освободи!» Д. Шмаринова и многие другие. Еще один аспект темы Родины-Матери — мать, защищающая свое дитя, — получил яркое воплощение в произведении В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (Прил., ил. 23)<sup>32</sup>.

В материнских фигурах, известных по плакатам, картинам, скульптурным композициям периода «холодной войны», — и мольба о защите, и призыв бороться с врагом, и утверждение изобилия Советской страны, и призыв к миру с одновременным осуждением «поджигателей войны». Наиболее же известные варианты Родины-Матери этого периода связаны с памятью о войне — «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище (В. Исаева и др., 1960) и «Родина-мать зовет!» (Е. Вучетич и др., 1967). В союзных республиках было установлено несколько скульптурных изображений Родины-Матери — в Киеве (Е. Вучетич и др., 1981), Ереване («Мать-Армения» А. Аратюняна, 1967), Тбилиси («Мать-Грузия» Э. Амашукели, 1963) (см., напр., Прил., ил. 8, 19, 20).

Распад СССР сопровождался и деконструкцией символов советской эпохи, включая Родину-Мать. Характерным примером подобной деконструкции стало использование образа с плаката И. Тоидзе в рекламе моющего средства (заметим, что это одновременно явилось и попыткой семиотической перекодировки образа женщины в соответствии с новым типом патриархального дискурса: стиральный порошок вместо текста военной присяги) (Прил., ил. 22)<sup>33</sup>. Однако исследуемый символ активно работал в оппозиционных дискурсах в 90-е годы: униженная Женщина-Мать становится одной из метафор «изнасилованной Родины». Так, на одном из рисунков 1994 года изображена похоронная процессия: команда либеральных реформаторов несет Россию на кладбище<sup>34</sup>.

---

национальностей. Ее богатство, ее обилие, ее красота, ее города, фабрики, заводы, села, реки, моря, леса, горы, поля, сады, ее небо, ее культура — все это наше. Жизнь для нас! Для нас светит солнце сегодня, для нас оно взойдет и завтра! <...> Советский Союз — отечество трудящихся всего мира» (Правда. 1934. 18 июля. № 166 (6052). С. 1).

<sup>32</sup> О популярности этого плаката среди фронтовиков см.: *Вашиш К., Бабурина Н.* Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М., 2004. С. 276.

<sup>33</sup> *Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. Впоследствии использовался в политической рекламе СПС. См.: Советская Россия. 2003. № 61. С. 3.

<sup>34</sup> А. Пономаренко. Рублевый обвал на похоронах (Советская Россия. 1994. № 107. С. 1). См. также, напр.: А. Кибальник. <Россия и Америка> (Там же. № 121. С. 1).

На рисунке с сайта Народной Национальной партии России разгневанная Родина-Мать указывает перепуганному Б. Ельцину на пылающее здание Верховного Совета РСФСР (Прил., ил. 24)<sup>35</sup>. Очевидно, разочарование изменением роли России в мире отразилось на плакате А. Резаева (1993): нарисованная там молодая девушка одета лишь в традиционный для исследуемого образа кокошник с надписью «Россия» и кокетливо наброшенный на обнаженное тело российский триколор...<sup>36</sup>

Как было отмечено, исследуемый символ является объектом постоянного соперничества различных дискурсов в России и за рубежом. Это можно наблюдать и в последнее время, когда идея Родины-Матери становится все более востребованной, причем не только в текстах и карикатурах представителей коммунистических и националистических партий и движений. Например, депутаты Государственной Думы ставят вопрос о «возвращении Крыма в лоно России-Матери»; метафора иерогамии используется для обоснования претензий того или иного политика на власть в стране; образ России — матери всех народов Российской Федерации включается в риторику «Единой России». Вероятно, он станет активнее использоваться и в контексте изменений демографической политики в России. Вместе с тем «Родина-Мать» подвергается и резкой критике как чрезвычайно опасный символ. Одни полагают, что он опасен для демократии в стране, так как формирует личность, не способную на ответственное поведение и критическое отношение к власти. Другие считают его знаменем национализма, шовинизма и ксенофобии. Третьи видят в нем угрозу для русской нации, поскольку он якобы утверждает пресловутое «вечно-бабье начало» в русском характере и препятствует развитию русской мужественности. Подобная критика находит свое выражение и в визуальном, будь то образ «нордической маскулинности» в символике крайне националистических партий и движений (например, РНЕ) или образ молодой девушки в символике евразийского движения А. Дугина — «гордой и смелой Родины-Дочери», призванной в качестве символа новой России заменить «ветхую Родину-Мать»<sup>37</sup>.

---

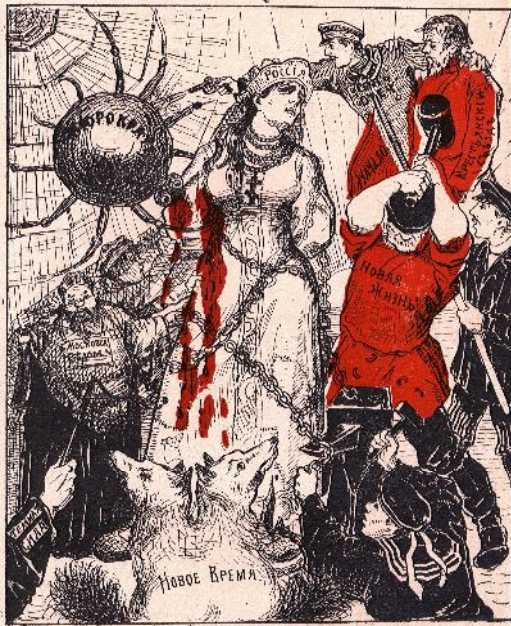
<sup>35</sup> Родина помнит. <http://www.nnpr.org/rambler.htm>

<sup>36</sup> А. Резаев. Грудью проложит себе. <http://www.russianposter.ru/archive.php?id=31020150100001>.  
О постсоветском образе России как валютной проститутки см.: *Goscilo H., Lanoux A.* Introduction: Lost in the Myths // *Gender and National Identity in Twentieth-century Russian Culture* / H. Goscilo, A. Lanoux (Eds). DeKalb, 2006.

<sup>37</sup> <http://www.rossia3.ru/mer/paskha>



Приложение



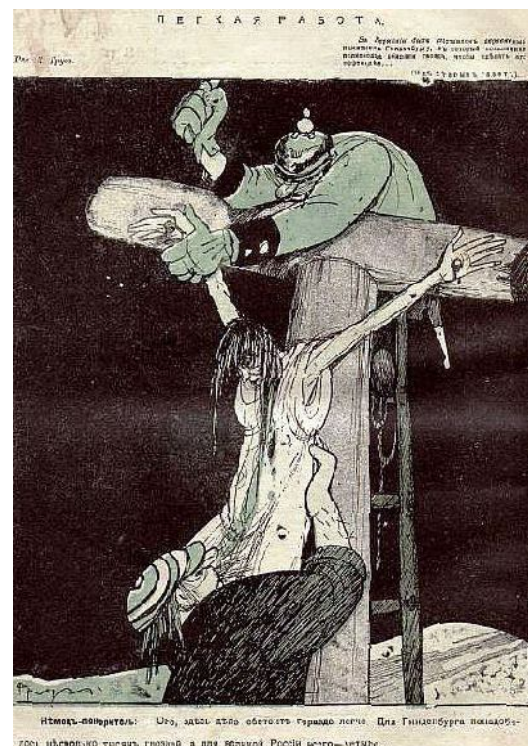
Ил. 1. Россия (Нагаечка. 1906.  
№ 2. С. 12)



Ил. 2. Согласие (Российская  
национальная библиотека)

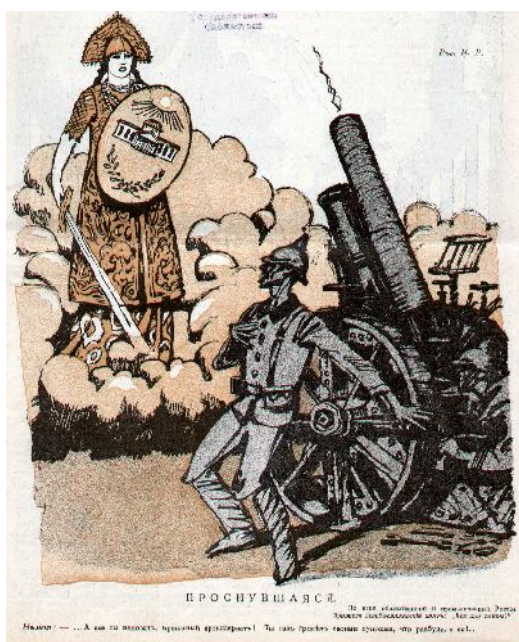


Ил. 3. В. Дени. Палачи терзают Украину.  
Смерть палачам! (Полонский В. Русский  
революционный плакат.  
М., 1925. С. 608)



Ил. 4. К. Грус. Легкая работа  
(Новый сатирикон. 1918. № 5)





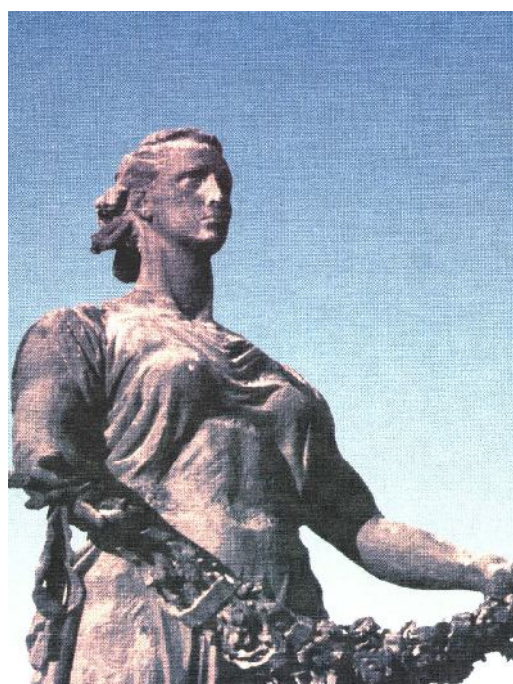
Ил. 5. Н. Р. Проснувшаяся  
(Новый сатирикон. 1915. № 24. С. 1)



Ил. 6. И. Малютин. Молодая  
и пожилая дамы (Крокодил. 1922.  
№ 9. С. 1)



Ил. 7. И. Тоидзе. За Родину-мать. 1943.



Ил. 8. В. Исаева и др. Мать-Родина, 1960  
(Подвигу 40 лет. М., 1985)



Ил. 9. Ф. Толстой. Народное ополчение (Толстой Ф. Медальоны в память военных событий 1812, 1813, 1814, 1815 гг. СПб., 1837)



Ил. 10. М. Микешин. Плачущая Россия (Нива. 1896. С. 507. № 20)



Ил. 11. Россия (Нива. 1896. № 9. С. 205)



Ил. 12. Россия. Деталь интерьера усадьбы В. Гомулина. Краеведческий музей г. Павлово-на-Оке Нижегородской обл. 1890-е гг.





Ил. 13. Медаль Всероссийской выставки 1882 г. Краеведческий музей г. Павлово-на-Оке Нижегородской обл.



Ил. 14. Россия и ее воин. 1914  
(Bonnell V.E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997. P. 71)



Слово „Отечество“ высъчено въ незабвенность.

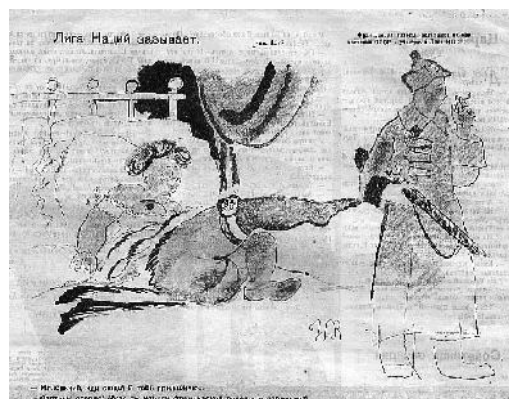
Ил. 15. Н. Николаевский. Почести и услуги, оказанные большевиками матери России (Бич. 1917. № 26. С. 12)



Ил. 16. Б. Антоновский. Роман Ленина и России (Новый сатирик. 1917. № 27)



Ил. 17. Сын мой! Иди и спасай Родину!  
1919 (<http://www.mina.ru>)



Ил. 18. Ник. К. Лига наций зазывает  
(Бегемот. 1927. № 2. С. 4)



Ил. 19. Е. Вучетич и др. Родина-мать  
зовет! Волгоград, 1967



Ил. 20. Е. Вучетич и др. Родина-мать.  
Киев, 1981





Ил. 21. И. Тоидзе. Родина-мать зовет! 1941



Ил. 22. Чистота — чисто Тайд. 1990-е гг.



Ил. 23. В. Корецкий. Воин Красной Армии, спаси! 1942 (Демосфенова Г. Л. Советские плакатисты — фронту. М., 1983. С. 117)



Ил. 24. Родина помнит. 2000-е гг. (<http://www.mpr.org/gambler.htm>)